

Юлия Никитенко

«Королева фей» Эдмунда Спенсера и описание празднеств, устроенных графом Лестером для Елизаветы I в честь ее приезда в Кенилворт, сделанное Робертом Лейнемом: параллельное чтение

Речь в статье пойдет о двух текстах, написанных в Англии в конце XVI в. Они принадлежат к разным жанрам, но, как мы попытаемся продемонстрировать далее, используют сходный символический язык, создавая образы власти.

Итак, перед нами героическая поэма с элементами аллегории, сочиненная Эдмундом Спенсером, и письмо Роберта Лейнема с рассказом о торжествах по случаю приезда королевы, организованных ее фаворитом, графом Лестером. Отметим, что насчет авторства Лейнема велись дискуссии. Поскольку сведения о его биографии довольно скудны, и «Письмо» является их основным источником, высказывались предположения, что автором описания был актер Джон Лейнем¹, также служивший у Лестера, или Уильям Паттен, находившийся под покровительством сэра Генри Ли².

Нам известны даты, на которые пришелся визит королевы во владения Лестера: она прибыла в Кенилворт 9 июля 1575 г. «Письмо» Лейнема с описанием королевского визита сохранилось в семнадцати копиях и двух вариантах³. На титульном листе обоих вариантов значится: «A Letter: whearin, part of the entertainment untoo the Queenz Maiesty, at Killingwoorth Castl, in warwik Sheer, in this soomerz Progress. 1575». Куин, на основании анализа элементов оформления издания, предполагает, что первый вариант был опубликован между 1576 и 1577 гг., а второй — несколькими годами позднее⁴.

1. Bradbrook M. C. The Rise of the Common Player: A Study of Actor and England. London, 1962. P. 143–161.

2. Scott D. William Patten and the Authorship of Robert Laneham's Letter // English Literary Renaissance. 1977. №7. P. 297–306; O'Kill B. The Printed Patten (c. 1510–1600) // Transactions of the Cambridge Bibliographical Society. 1977. №7. P. 28–45.

3. Laneham R. A Letter / ed. R. J. F. Kuin. Leiden, 1983. P. 18; Goldring E. «A mercer ye wot az we be»: The Authorship of the Kenilworth «Letter» Reconsidered // English Literary Renaissance. 2008. P. 246.

4. Laneham R. A Letter. P. 22–24.

Совсем другая ситуация с датой выхода в свет «Королевы фей»: она известна точно. Но нужно говорить о двух датах, поскольку поэма издавалась частями: в 1590 г. вышли в свет первые три книги, а в 1596 г. за ними последовали три другие. По задумке автора, произведение должно было состоять из двадцати четырех книг, но так и не было закончено.

Уже после смерти Спенсера в 1609 г. в одном издании были собраны шесть ранее опубликованных книг и фрагменты Книги VII, известные под названием «Песни Изменчивости». Таким образом, между торжествами в Кенилворте и выходом первых трех книг «Королевы фей» прошло пятнадцать лет. Однако, на основании писем Спенсера к его университетскому другу Габриэлю Харви, можно говорить, что работа над поэмой началась еще в 1580-х гг.⁵

В начале статьи было сказано, что мы имеем дело с двумя текстами, но, если взглядеться, станет ясно, что за описанием Лейнема стоит другой текст — само действие, ведь в семиотическом плане ритуал тоже можно назвать текстом, поскольку он является неким высказыванием, сконструированным с помощью системы знаков. И, поскольку нам этот исходный невербальный текст недоступен непосредственно, мы вынуждены обратиться к нему через посредника, через его описания. Такое положение не только создает некоторые сложности, оно дает и некое преимущество: нам одновременно даны и исходный текст ритуала, и его имплицитная интерпретация.

Существование текста ритуала предполагает наличие соответствующего символического языка и грамматики. Без обращения к языку чтение невозможно. Это неизбежно направляет нас к елизаветинской властной идеологии или даже в какой-то степени к властной мифологии. Центральную роль в этой идеологии играет образ монарха, в нашем случае — королевы Елизаветы. Ведь именно монарх является источником власти, проводником божественной власти. По сути дела, власть — это и есть король.

5. Spenser–Harvey Correspondence: 1580 // The University of Oxford Text Archive [Электронный ресурс]. URL: <http://ota.ahds.ac.uk/desc/2062> (дата обращения: 20.02.2018).

Зачем же нам в таком случае нужна «Королева фей»? Что нам дает «параллельное чтение»? «Королева фей» до определенной степени эксплуатирует тот же самый символический язык, язык властной идеологии и властного мифа. Выявляя общие элементы в двух разных по способу функционирования источниках — письме и героической поэме, — мы можем уточнить наше представление о важных составляющих языка власти и о способах его функционирования.

Еще одним аргументом в пользу сопоставления является некоторое родство точек зрения авторов обоих источников. Во-первых, и Спенсер, и Лейнем происходят из одной социальной группы. Спенсер был выходцем из небогатых горожан, то же самое можно сказать и о Лейнеме. Оба окончили грамматическую школу, оба своим образованием и продвижением по службе были обязаны собственным талантам и помощи покровителей.

Во-вторых, и Лейнем, и Спенсер были связаны с графом Лестером. Спенсер, получив в 1576 г. степень магистра в Кембридже, вскоре упоминает в письмах к Харви о том, что он выполнял некие поручения для графа Лестера⁶. К этому времени он через Харви уже был знаком с племянником графа, Филиппом Сидни. В 1580 г. Э. Спенсер был назначен секретарем лорда Грэя, английского генерал-губернатора Ирландии, ставленника Лестера⁷. Лейнем, благодаря протекции Лестера, получил место при дворе, в его обязанности входило поддержание порядка снаружи во время заседаний Тайного совета⁸.

Существует вероятность того, что Спенсер присутствовал в Кенилворте во время визита Елизаветы, или, по крайней мере, был знаком с программой торжеств, поскольку примерно в это время он был связан с Лестером, но прямых доказательств его участия в подготовке празднеств или его присутствия там не сохранилось.

В исследовании, посвященном проблемам репрезентации Елизаветы I, С. Фрай пишет, что в определенной мере Елизавета

6. *Nelson W.* The Poetry of Edmund Spenser. New York; London, 1963. P. 2.

7. *The Cambridge Companion to Spenser.* Cambridge, 2001. P. 26; *Nelson W.* The Poetry of Edmund Spenser. P. 3.

8. *Kenilworth Festivities: Comprising Laneham's Description of the Pageantry, and Gascoigne's Masques, Represented Before Queen Elizabeth, at Kenilworth Castle Anno 1575.* Warwick, 1825. P. 85.

сама сознательно конструировала свой образ, и, следовательно, выстраивала символическую репрезентацию властных отношений между собой и подданными. Но, естественно, воля королевы была не единственной силой, которая определяла форму этой символической репрезентации: она складывалась из «векторной суммы» интенций самой королевы и ее придворных, каждый из которых в свою очередь стремился обеспечить себе наиболее выгодное положение⁹. Одним из наиболее влиятельных игроков в этом противоборстве был Роберт Дадли, граф Лестер. С. Фрай, описывая отношения между Лестером и Елизаветой, приводит несколько случаев из придворной жизни, где роль Лестера сводится к проявлению гнева и отчаяния, а Елизаветы — к проявлению власти, снисхождению и милости¹⁰.

Устраивая развлечения для Елизаветы по случаю ее приезда, Лестер получает возможность создания символического высказывания, адресованного прежде всего королеве и придворному окружению; высказывания, которое указывает на амбиции и чаяния графа, на ту позицию по отношению к власти, на которую он претендует, и, соответственно, на ту позицию власти по отношению к нему, которой он желает.

Однако перед нами открыто нечто большее. Примирившись с искажениями, которыми неизбежно грозит опосредованное знакомство (знакомство не с действием, а с его описанием), мы получаем одновременно комментарий третьего лица — автора описания, Роберта Лейнема, и комментарий одного из участников рассматриваемого символического события — самой Елизаветы, реакцию которой иногда передает Лейнем.

В тексте «Королевы фей» тоже встречаются описания торжественных церемоний и придворных развлечений. Спенсер описывает поединок между Рыцарем Красного Креста и сарацином, организованный при дворе Люциферы (F.Q.: I, v, 1–16)¹¹. Здесь описание приема изобилует оценочными эпитетами

9. Frye S. Elizabeth I: The Competition for Representation. Oxford; New York; Toronto, 1996. P. 4–10.

10. Ibid. P. 58.

11. Здесь и далее для удобства читателя отсылки к тексту «Королевы фей» приводятся с указанием номера книги, песни, строфы или строф. При цитировании текст поэмы приводится по изданию: Spenser E. The Faerie Queene. New York: Appleton and Co., 1859.

и мало что может сообщить нам о значимых подробностях. Важно не что именно произошло, а то, насколько величественным было событие.

А вот посещение сэром Гийоном и принцем Артуром замка Альмы:

«Goodly shee entertained those noble knights,
And brought them up into her castle hall;
Where gentle court and gracious delight
Shee to them made, with mildness virginall» (F.Q.: II, ix, 20).

«Великолепные развлечения устроила она для этих
благородных рыцарей

И ввела их в зал своего замка,
Где нежную заботу и приятные удовольствия
Она оказала им с девичьей мягкостью»¹².

12. Перевод мой – Ю. Н.

Нам видится, что путь поисков внешнего соответствия описаний придворных развлечений в тексте «Королевы фей» и в письме Лейнема является наименее плодотворным. В плане оформления того символического языка, о котором мы говорили в начале, использовавшегося и Спенсером и Лейнемом, важно другое. Тексту «Королевы фей», как и ритуалу входа в замок, описанному Лейнемом, характерна своеобразная эмблематизация абстрактных понятий, стремление овеществить абстрактную категорию, представить ее доступной чувственному восприятию. Так, во время входа в замок отдельные абстрактные понятия — плодородие или военная сила — овеществляются и визуализируются: предстают в виде положенных в серебряные чаши плодов или лежащего на подиумах оружия.

Тенденция к эмблематизму сильна и в «Королеве фей». В качестве примера можно привести процессию министров Люциферы, госпожи замка Гордыни. Каждый министр — воплощение одного из семи смертных грехов. Например, Чревоугодие ехал на свинье, у него был раздувшийся от изысканных яств живот, заплывшие жиром глаза, длинная шея, как

у журавля (чтобы проглатывать на пиру многочисленные кушанья), которой он трясет. Толстое тело покрыто лишь плющом (F.Q.: I, iv, 21–22).

Было бы ошибкой единственную причину этой тяги к эмблематизму видеть в аллегорическом методе, который использует Спенсер; достаточно сравнить описания министров Люциферы с аллегориями из «Петра пахаря» Уильяма Ленгленда.

В рассмотренном выше описании Чревоугодия олицетворенный порок одновременно наделяется чертами его носителей и символическими воплощениями некоторых аспектов данного абстрактного понятия: так плющ — атрибут Вакха, в данном случае, скорее всего, символизирует пьянство. У Ленгленда, напротив, абстрактное понятие и персонаж, его воплощающий, бывают связаны через реплики. Так Святую церковь мы узнаем по словам. Облик ее может сообщить нам лишь то, что это положительный персонаж¹³. А Любовь, несмотря на довольно пространное описание, оказывается невозможно представить в виде пластического образа¹⁴.

Итак, Елизавета прибыла в Кенилворт в субботу 9 июля 1575 г., и провела во владениях графа Лестера девятнадцать дней, двенадцать из которых описаны в тексте Лейнема. В издании Джона Меридью 1825 г. рассказ о самих торжествах занимает пятьдесят одну страницу.

Сначала перед читателем предстает описание места действия. Лейнем не ограничивается здесь короткой ремаркой, он весьма подробен: описанию местности, где расположен замок, ее истории и этимологии названий посвящено восемь страниц. Упоминаются король Кенульф и его сын Кенельм, от имени которого происходит название замка. По словам Лейнема, замок теперь зовется Килингворт (Killingworth), хотя раньше носил название Кенилворт¹⁵. Пользуясь случаем, Лейнем делает экскурс в историю Мерсии. Завершают его размышления о происхождении и значении названия замка «Кенилворт» (Kenilworth). По мнению Лейнема, слово «worth»

13. Ленгленд У. Видение Уильяма о Петре Пахаре. М.; Л., 1941. С. 69.

14. Там же. С. 77.

15. Kenilworth Festivities... P. 5.

обозначает остров посреди озера, или местность, окруженную водой, где растут ивы. Германцы, пишет, Лейнем, обозначают это словом «werd», и именно с ним Лейнем связывает английское слово¹⁶.

16. Kenilworth Festivities... P. 7.

Что делает Лейнем? Он, во-первых, размещает Кенилворт в центре Англии. Во-вторых, сообщает нам об исторических персонажах, имена которых запечатлелись в названии замка. В-третьих, во времена Лейнема, как он пишет, замок назывался «Killingworth», что с позиции поэтической этимологии могло бы расшифровываться как «убивающий достоинство».

Естественно, это совершенно неподходящая интерпретация. У Лейнема находится сразу два способа решения этой проблемы. Он сообщает, что в былые времена замок назывался «Kenilworth», и впредь использует это название, то есть описываемые им события он полагает в прошлом. Кроме того, этимология названия, которую приводит Лейнем, представляет Кенилворт легендарным Авалоном — местом, куда после смерти, согласно легенде, отправился король Артур. Последнее очень важно, поскольку артуровский миф был одним из ключевых компонентов тюдоровской идеологии.

В этом своеобразном введении к описанию праздника отразились некоторые интеллектуальные черты эпохи, которые наложили отпечаток и на текст «Королевы фей». Во-первых, унаследованная еще от Средних веков страсть к этимологии, которую мы видим в тексте Лейнема (далее он также этимологизирует имя Елизаветы), является очень важным приемом организации текста в «Королеве фей». Все персонажи и места имеют значимые имена и названия, которые раскрывают их сущность. Во-вторых, мы видим, что для Лейнема место — не просто точка в пространстве; география для него — повод вспомнить историю.

Для Спенсера тоже важна связь места с его историей, но связующей ниточкой в его случае оказывается человек, с именем которого связано место. Эту особенность можно

увидеть во фрагменте поэмы, где излагается текст британской хроники. Но такая связь места и исторического персонажа, зафиксированная через имя, важна и для Лейнема, который не забывает упомянуть Кенельма. И судя по тому, что на девятый день пребывания королевы в Кенилворте совершается служба в честь святого Кенельма¹⁷, значима она и для Лестера.

17. Kenilworth Festivities... P. 28

Важнейшим эпизодом празднеств является первый день — ритуальное проникновение в замок, встреча с местом. Прибытие королевы в Кенилворт Лейнем описывает довольно пространно, уделяя этому эпизоду много внимания. Обратившись наконец к описанию самого действия, мы увидим, что основными источниками образного языка Лейнему служат мир античных и средневековых легенд.

Путь к замку состоит из нескольких этапов. В парке, на расстоянии выстрела от внешних ворот, Елизавету встречает Сивилла, персонаж из мира античности, которая тем не менее оказывается связанной с английской темой, поскольку приносит перед королевой стихи на английском, а не на латыни, как это позже сделает придворный поэт. Кроме того, мы знаем, что одна из самых знаменитых сивилл, сивилла Кумская, встречается Энею и напутствует его перед тем, как он спустится в подземный мир. В стихах провозглашалось, какое великое счастье дарит Елизавета своим присутствием, а также содержалось пророчество о грядущем благополучии и процветании.

Британские монархи претендовали на право зваться потомками Энея, ведь согласно легенде от него произошел родоначальник британских правителей Брут. Эта легенда важна и для Спенсера. В одном из эпизодов «Королевы фей» Бритомарт, альтер эго Елизаветы, встречается с Париделем, который представляет собой нечто вроде тени Париса. Когда он начинает рассказывать Бритомарт о своем троянском происхождении, она и сама припоминает, что ведет свой род от троянцев (F.Q.: III, ix, 33).

Рассказывая о встрече с Елизаветы с Сивиллой, Лейнем сообщает нам и о реакции королевы: она благосклонно приняла слова Сивиллы¹⁸. Итак, хронологически еще до начала действия, географически за пределами замка, королеву встречает Сивилла со своим предсказанием. В этом можно увидеть остроумную уловку Лестера, поскольку исполнение предрекаемого Сивиллой счастья и благополучия в ближайшем будущем — дело графа, если интерпретировать пророчество как предсказание ожидающего королеву приема; и в более широкой перспективе это предсказание касается, конечно, и отдаленного будущего, связывает с ним графа Лестера, который стоит за этим действием.

В «Королеве фей» пророчества тоже играют очень значимую роль. Но там пророчествует Мерлин, персонаж, связанный опять же с артуровской темой (F.Q.: III, iii, 1–50). Его предсказание связано с развивающейся в поэме династической линией. Мерлин открывает Бритомарт, что ей суждено вступить в союз с прекрасным рыцарем, плодом которого будет династия великих правителей (F.Q.: III, iii, 22).

Следующим эпизодом, который описывает Лейнем, была встреча королевы с большим и угрюмым стражем (*big in limb and stern in countenance*), охранявшим внешние ворота замка. Услышав приближение гостей, страж разразился пламенной речью (также в стихах) о том, как ему надоело хождение посетителей туда-сюда. Увидев же королеву и приблизившись к ней, он объявил, что сражен и никогда прежде не встречал никого, кто излучал бы такую героическую царственность (*heroical sovereignty*). Затем суровый страж открыл ворота и, пообещав всем право свободного прохода, сложил дубинку, ключи и свою должность. На коленях страж просил прощения у королевы за свое невежество и нетерпимость (*ignorance and impatience*). Королева простила его, и он дал знак своим шести трубачам, которые стояли на стене и также были одеты в длинные шелковые одежды. У каждого была серебряная труба.

18. Kenilworth Festivities... P. 8–9.

И, хотя эти трубы были довольно большие и могли бы издавать громкий звук, их звуки были нежными, отмечает Лейнем. Он называет трубачей «harmonious blasters». Трубы сопровождают королеву, пока она проходит до внутренних ворот замка¹⁹.

19. Kenilworth Festivities... P. 9–10.

Огромный страж — воплощение мужественности, — укороченный присутствием Елизаветы, прекрасно вписывается в приведенную выше схему отношений Лестера и королевы, согласно которой граф проявляет силу и энергию, но неизменно уступает воле Елизаветы.

Во внутреннем дворе королеву ожидала Дева Озера, известная из легенд об Артуре, поясняет Лейнем. Она стояла с фонарем, испускающим яркое сияние, на плавучем острове посреди озера, в окружении двух нимф. Она обращается к Елизавете в стихах, в которых сначала говорится о предыдущих владельцах замка, которые по большей части были графами Лестерами, о том, что она обитает в этом озере со времен короля Артура. Она предложила королеве свою землю и свою силу (with promise of repair unto the court).

Еще в предваряющем свое описание рассказе о названии и истории места Лейнем с помощью этимологии сближает Кенилворт с Авалоном. В этом эпизоде вновь оказывается задействован язык артуровской легенды, одновременно связанный с вымышленным миром рыцарских романов и с национальной историей. Вероятно, Лестер стремился возвыситься в глазах Елизаветы, вписывая себя и свои владения в контекст артуровской легенды. В то же время сцену с Девой Озера можно интерпретировать и как жест смирения: Дева Озера предлагает передать свои владения и силу в руки Елизаветы.

Рассказывая об этом эпизоде, Лейнем дает нам возможность увидеть реакцию Елизаветы. Он пишет, что королева удостоила похвалы Деву Озера и прибавила: «Мы думали, что озеро и так принадлежит нам, а ты теперь называешь его своим. Что же, думаю, нам стоит еще вернуться к этому после»²⁰. Очевидно, с точки зрения королевы, использование

20. Ibid. P. 11.

языка артуровской легенды для высказывания, исходящего от ее подданного, и связывающего его с образом Артура, было не слишком желательным. Предлагая свои земли королеве, Дева Озера, а следовательно и Лестер, снисходят, говорят с позиции власти, что является, однако, прерогативой монарха, и реакция Елизаветы дает это понять.

Формальная параллель этому эпизоду в «Королеве фей» — появление Федрии, плывущей без весел и паруса по Озеру Лени (F.Q.: II, vi, 10). Но сюжетно и символически у этого фрагмента мало общего с появлением Девы Озера. Федрия никак не связана с артуровской темой; она служительница Акразии, переправляющая рыцарей во владения этой волшебницы, которая очаровывает их, подобно гомеровской Цирцее.

В то же время язык артуровской легенды сам по себе так же важен для Спенсера, как и для устроителей празднеств в Кенилворте. Это подтверждает хотя бы тот факт, что одним из главных героев «Королевы фей», единственным персонажем, появляющимся в каждой книге, является Артур, которого Спенсер к тому же делает совершенным рыцарем, воплощением Величия.

А. Фаулер и позже Д. Флек на основании исследований маргиналий современных Спенсеру копий «Королевы фей» пришли к выводу, что современники поэта пытались рассмотреть, кто из придворных скрыт за маской Артура. И, хотя исследователи склонны полагать, что Артур не был задуман Спенсером как персонаж, связанный с одним лицом, и в разных эпизодах поэмы за ним могут стоять разные исторические персонажи, маргиналии свидетельствуют, что современники отождествляли с Артуром графа Лестера²¹. Конечно, Спенсер мог сделать такой комплимент Лестеру, который был покровителем поэта в юности.

Тем не менее поэт, вероятно, отдавал себе отчет в том, насколько важным источником была артуровская легенда для языка королевской власти. В начале десятой песни Книги II

21. Fleck A. Early Modern Marginalia in Spenser's Faerie Queene at the Folger // Notes and Queries. 2008 (June). Vol. 55. №2. P. 166; Fowler A. Oxford and London Marginalia to the Faerie Queene // Notes and Queries. 1961 (Nov.). Vol. 206. №8. P. 416.

Спенсер называет Елизавету потомком Артура, «этого знаменитого принца» (F.Q.: II, x, 4), о предках которого он и собирается повести речь.

Вернемся к процессии. Следующий этап — пересечение моста, ведущего ко входу в замок. По обе его стороны располагались семь постаментов, на которых были выложены подарки божеств: клетки с птицами — подарок Сильвана, бога добычи; посеребренные чаши, наполненные фруктами, — дары Помоны; блюда с дарами Цереры; грозди винограда и кувшины с вином — подарки Вакха; два больших подноса, выстланных травой, с дарами Нептуна; доспехи, щиты, луки и стрелы — дары Марса. На последней паре подиумов стояли две прекрасные лавровые ветви четыре фута в длину, увешанные со всех сторон лютнями, шалмеями, флейтами, арфами, — это были дары Феба²².

22. Kenilworth Festivities... P.13–15.

Можно предположить, что дары богов были распределены неслучайным образом. Важность их обратно пропорциональна степени удаленности от замка, ведь замок — цель пути и символически более значим, чем пространство вовне. Мы можем увидеть, что первые дары — дары дикой природы, за ними следуют плоды культивированной природы, затем дары Нептуна, которые, хотя и должны были бы, следуя этой логике, занять место в начале, предшествуют дарам Марса. Исключительное место Нептуна, возможно, связано с важным значением моря в жизни страны, в жизни подданных Елизаветы. Еще более значимыми оказываются только дары Марса и Феба. Причем, отметим, Лейнем, словно для того, чтобы обезопасить себя и своего патрона от превратных истолкований, поясняет, что показ оружия символизировал защиту, которую предоставляет своей госпоже хозяин замка. Известно, что граф Лестер был сторонником активной военной политики. Поэтому неудивительно, что он так высоко ценил благосклонность Марса.

Наиболее же значимыми оказываются дары Аполлона, покровителя муз. Этому можно найти несколько объяснений.

Во-первых, героическим деяниям надлежит быть воспетыми, прославленными в веках; во-вторых, музыка, созвучие голо-сов есть воплощение гармонии сфер. Тем самым она оказывается не так далека от политики, ибо последняя также являлась воплощением этой гармонии. И наконец, музыка и искусства в этой иерархии предстают как высшее проявление культуры. Музыка как символ порядка противостоит дикому состоянию. Это хорошо иллюстрируют слова Лоренцо из пятого акта шекспировского «Венецианского купца»²³:

«Заметь: степные дикие стада
Иль необъезженных коней табун
Безумно скачут, и ревут, и ржут,
Когда в них кровь горячая играет;
Но стоит им случайно звук трубы
Или иную музыку услышать,
Как тотчас же они насторожатся;
Их дикий взор становится спокойней
Под кроткой властью музыки. Поэты
Нам говорят, что музыкой Орфей
Деревья, скалы, реки чаровал.
Все, что бесчувственно, сурово, бурно, —
Всегда, на миг хоть, музыка смягчает...»²⁴

У входа в замок королеву встречали флейты и поэт, который продекламировал латинское стихотворение, где упоминались все боги, почтившие королеву своими дарами. Вообще музыка неизменно присутствует в описании Лейнема: в разные моменты шествия королевы от внешней ограды ко входу в замок, ее сопровождают шесть трубачей (*harmonious blasters*), корнеты, шалмеи и гобои, громкая музыка (*loud music*). Почти тот же состав — кларнеты, шалмеи и трубы, — играет на свадьбе главных героев Книги I «Королевы фей», Уны и Рыцаря Красного Креста (F.Q.: I, xii, 7). При описании развлечений, последовавших в воскресенье, Лейнем также упоминает музыку и танцы²⁵.

23. *Shakespeare W. The Complete Works.* London, 1996. P. 412–413.

24. Цит. по: *Шекспир У. Полное собрание сочинений.* М., 1957. Т. 3. С. 299.

25. *Kenilworth Festivities...* P. 16.

С музыкой связан и один довольно примечательный эпизод, имевший место на десятый день пребывания Елизаветы в Кенилворте. Королеве, возвращавшейся в замок, повстречался восемнадцатифутовый Тритон, который, завидев ее, издал оглушительный звук из своей трубы-раковины. Тритон сообщил ее величеству, что Дева Озера попала в беду, ее пленил злодей Безжалостный Брюс, и только Елизавета может ее спасти. Дева Озера просила Елизавету, как свою повелительницу и друга, появиться у озера, ибо одно ее присутствие сокрушит злодея.

Когда королева дала свое согласие, и пленницу освободили, Дева Озера в знак благодарности преподнесла королеве песнь Ариона. Он выплыл на дельфине, внутри которого сидели шесть инструменталистов, а он, седьмой, сидел снаружи и пел²⁶.

26. Kenilworth festivities... P. 43–46.

Из этого эпизода можно сделать сразу несколько выводов: во-первых, неприятности, выпавшие на долю Девы Озера, скорее всего, были вызваны тем, что в первый день она стала причиной неудовольствия королевы; во-вторых, обращая просьбу о помощи к Елизавете, Дева Озера, а в ее лице и устроители праздника, за которыми стоит сам Лестер, восстанавливают равновесие, становясь в позицию просителя, полагаясь на милость королевы.

Несколько дней во время пребывания в Кенилворте досуг королевы занимала охота. В то же время, как явствует из авторского предисловия к поэме²⁷, одно из воплощений Елизаветы в «Королеве фей» — дева-охотница, прекрасная и целомудренная Бельфеба. «Прекрасная, как солнце Феба» (as fair as Phoebus sunne) (F.Q.: III, v, 27), Бельфеба (Belphoebe), дословно — прекрасная Феба, то есть Диана. Цинтия есть воплощение целомудрия — одного из важнейших составляющих образа, который культивировала Елизавета. Тут нелишним будет вспомнить, что почетное место среди богов, почтивших Елизавету дарами, было отведено Фебу.

27. Spenser E. The Faerie Queene. New York, 1859. P. X.

С охотой связан еще один любопытный эпизод, который произошел на третий день пребывания Елизаветы в Кенилворте. До пяти вечера королева была в замке, затем выехала в сопровождении свиты на охоту. Охотились на оленя, к девяти он был пойман. Вдруг из леса показались огни, вышел Дикарь (Hombre Salvagio) с маленьким дубком в руках, увитый мхом и плющом. Он сказал, что долго ходил в этих лесах, но не видел такого славного собрания. Дикарь стал расспрашивать своих спутников — сатиров, нимф и дриад — о том, кто перед ним, но никто не знал ответа. Тогда Дикарь призвал Эхо. Эхо откликнулось. «Кто здесь, король или королева?» — «Королева», — отвечает Эхо. Услышав это, Дикарь окидывает взглядом собравшихся. Он тотчас же узнает королеву и выражает свою радость по поводу того, что все земли королевства принадлежат ее величеству²⁸.

28. Kenilworth festivities... P. 19–21.

Этот дикарь — воплощение идеи о лесной идиллии, естественного человека, на которого, однако, облагораживающе действует присутствие королевы. То же самое, в общем-то, ранее происходит и с угрюмым стражем. В рассказе о событиях одиннадцатого дня также проявляется благотворное действие монарха на ее подданных. Елизавета исцелила девятерых от «королевской болезни», болезни, которую короли излечивают одним прикосновением²⁹. Такие исцеления, как видно уже из названия недуга, были традиционной частью королевской процессии.

29. Ibid. P. 48.

Сцена с участием Дикаря, описанная Лейнемом, заставляет вспомнить об одном эпизоде «Королевы фей». Захваченную сарацином Уну — еще одно воплощение Елизаветы в «Королеве фей» — освобождают жители лесов (wyld wood gods, salvage nation), но через некоторое время любовь дикого народа к Уне становится культом (F.Q.: I, iv, 7-19).

Здесь хочется сделать небольшое отступление и сказать несколько слов об имени Уны. Этимология его довольно прозрачна и отсылает к понятию единичности. Это свойство было

частью культивируемого Елизаветой образа. И Лейнем, покончив с описанием празднеств и предаваясь рассуждениям, прославляет единичность (One-hood). Единичность, пишет Лейнем, есть божество, главенство и согласие, исключающее возможность разлада, и продолжает: «Один Господь, Один Спаситель, Одна Вера, Один Правитель, Одно Солнце, Один Феникс»³⁰.

Возвращаясь к ходу торжеств, отметим, что во время пребывания королевы в Кенилворте эпизод с участием Дикаря был не единственным, в котором звучит народная тема. На девятый день пребывания королевы в Кенилворте была назначена шуточная свадебная процессия местных юношей и девушек, а также моррис-данс³¹, в котором принимала участие и Леди Мэрион, возлюбленная Робина Гуда³².

Для Спенсера народный мотив также оказывается довольно значимым. Так, главные герои двух книг «Королевы фей» Рыцарь Красного Креста и Артегал, были в детстве похищены эльфами и перенесены в королевство фейри. На простонародный колорит, которому не место в героической поэме, принадлежащей к возвышенному стилю, пенял Спенсеру в письме его университетский приятель Габриель Харви³³. Однако если присмотреться к тексту поэмы, недовольство Харви кажется не слишком обоснованным. В пространстве «Королевы фей» «народное» лишь инсценировано, как в придворном празднике, с которым мир поэмы имеет куда больше общего.

Мы видим, что каждая из основных тем празднеств, организованных в Кенилворте, — античность, народная тема и артуровский миф, — в той или иной мере имеет отражение и в «Королеве фей», чем подтверждается наше предположение о том, что они являются составляющими языка придворной идеологии. Артуровский цикл играет наиболее значимую роль в придворной мифологии, в наибольшей степени связан с властью, о чем свидетельствует реакция Елизаветы на попытку Лестера использовать его для собственной репрезентации, равно как и внимание, которое уделяет ему Спенсер.

30. Kenilworth Festivities... P. 78.

31. Танец, предположительно пришедший в Англию из Италии. Первые упоминания о нем встречаются в XVI в. Впоследствии моррис-данс становится английским традиционным танцем. Определенных сведений о том, как именно он исполнялся, до нас не дошло, но известно, что танцоры прикрепляли к ногам колокольчики.

32. Kenilworth festivities... P. 28–30.

33. Spenser–Harvey Correspondence: 1580

Это идейное сходство при сопоставлении поэтического произведения и значимого действия оказывается куда более существенным, чем формальное сходство используемых при этом образов. В обоих случаях важную роль играют попытки оказать влияние на репрезентацию самой Елизаветы. Но, поскольку цели устроителей развлечений в Кенилворте (читай графа Лестера) и Спенсера различны, как различны и их положения королевского фаворита и поэта, их позиции во властных отношениях, также различаются и способы, которыми пользуется каждый из адресантов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ленгленд У.* Видение Уилльяма о Петре Пахаре / пер., вступ. статья. и примеч. акад. Д. М. Петрушевского. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1941.
2. *Шекспир У.* Венецианский купец / пер. с англ. Т. Щепкиной-Куперник // Шекспир У. Полное собрание сочинений: Москва: Искусство, 1957. Т. 3. С. 211–311.
3. Kenilworth Festivities: Comprising Laneham's Description of the Pageantry, and Gascoigne's Masques, Represented before Queen Elizabeth, at Kenilworth Castle Anno 1575. Warwick: John Merridew, 1825.
4. *Spenser E.* The Faerie Queene. New York: Appleton and Co., 1859.
5. Spenser–Harvey Correspondence: 1580 // The University of Oxford Text Archive [Электронный ресурс]. URL: <http://ota.ahds.ac.uk/desc/2062> (дата обращения: 20.02.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cambridge Companion to Spenser / ed. A. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
2. *Fleck A.* Early Modern Marginalia in Spenser's Faerie Queene at the Folger // Notes and Queries. 2008 (June). Vol. 55. №2. P. 165–170.
3. *Fowler A.* Oxford and London Marginalia to the Faerie Queene // Notes and Queries. 1961 (Nov.). Vol. 206. №8. P. 416–419.
4. *Frye S.* Elizabeth I: The Competition for Representation. Oxford; New York; Toronto: Oxford University Press, 1996.
5. *Goldring E.* «A mercer ye wot az we be»: The Authorship of the Kenilworth «Letter» Reconsidered // English Literary Renaissance. 2008 (Spring). Vol. 38. №2. P. 245–269.
6. *Nelson W.* The Poetry of Edmund Spenser. New York; London: Columbia University Press, 1963.

Никитенко Юлия Николаевна

Магистр филологии, ведущий библиотекарь Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

yulianikitenko86@gmail.com

«Королева фей» Эдмунда Спенсера и описание празднеств, устроенных графом Лестером для Елизаветы I в честь ее приезда в Кенилворт, сделанное Робертом Лейнемом: параллельное чтение

Оба текста, названия которых вынесены в заглавие статьи, играют роль медиумов. Так, за рассказом Лейнема стоит другой текст — самого ритуала, — высказывание графа Лестера, обращенное к королеве, из которого можно сделать некоторые выводы о чаяниях и надеждах графа, о его саморепрезентации, и о том, какую роль он отводит Елизавете. Одно из преимуществ нашего вынужденно опосредованного обращения к ритуалу через это описание заключается в том, что наблюдающий со стороны Лейнем время от времени фиксирует и реакцию Елизаветы.

«Королева фей», написанная Спенсером, который принадлежал к тому же кругу, что и автор описания, а также некогда пользовался покровительством Лестера, представляет собой другой случай использования придворного символического языка. Наше исследование показывает, что поэма и празднество не просто копируют определенные формальные элементы. Напротив, образ, имеющий похожую форму, может иметь совершенно разное значение в обоих текстах.

Сопоставляя тексты, мы видим, что совершенно различные идеи могут получать схожее визуальное воплощение (в случае Спенсера, конечно, речь идет о визуальном образе, который рисует в воображении читателя слово). Тем не менее становится ясно, что важными источниками в обоих случаях являются артуровская легенда, а также национальная и античная темы, которые оказываются в рассматриваемых текстах тесно переплетены друг с другом.

Ключевые слова: Кенилворт; Эдмунд Спенсер; Роберт Лейнем, Англия эпохи Ренессанса; репрезентация власти.

Yulia Nikitenko

Master of Arts in Philology, Senior Librarian of the National Library of Russia (Saint Petersburg)

yulianikitenko86@gmail.com

Edmund Spenser's *Faerie Queene* and Robert Laneham's Description of the Entertainment Devised by the Earl of Leicester to Celebrate Queen Elizabeth's Visit to the Kenilworth Castle as Parallel Texts

In this article, Spenser's *Faerie Queene* and Laneham's description of Elizabeth's visit to Kenilworth are both understood as mediums. Hence, behind the Laneham's description there is another text — the text of the ritual itself, which encompassed Leicester's hopes and ambitions, his self-representation and his attempts to construct an image of the queen. In fact, we benefit from the indirect view of the ritual given through the lens of Laneham's description; as Laneham, observing this communication from the outside, sometimes describes the reaction of Elizabeth.

The *Faerie Queene* was written by a man who belonged to the same social group, maybe even to the same circle as the author of the description — in his youth Spenser together with Laneham were Leicester's clients. Furthermore, the *Faerie Queene* may be regarded as another example of the application of the symbolic language of the Elizabethan court. The analysis shows that the poem and the entertainments do not simply imitate single formal elements of one another. On the contrary, the meaning of formally similar images differs drastically in these two texts.

The comparison of the symbolic language used in the poem with that used for the entertainments leads to the conclusion that visual similarity may be connected with completely different ideas and themes. In case of the *Faerie Queene*, they are related to visual images conceived by words of the poet in a reader's mind. In the end, it becomes clear that the Arthurian legend, images conveying national sentiments and antique imagery are the most important sources from which Spenser and the organizers of the festival drew their material.

Key words: Kenilworth; Edmund Spenser; Robert Laneham; Early Modern England; Political Representation.